

Франц Антон Месмер (1734 - 1815)

Доклад об открытии животного магнетизма¹

Открытие действующего на нервы принципа уже долгое время назревало, ибо он является очень важным в жизни каждого человека. Этот действующий на нервы принцип может расширить кругозор и сделать счастливым, может победить все болезни, которые до последнего времени не поддавались лечению. Те несколько особенностей учения об этом принципе, которые я передал за последние несколько лет, были восприняты некоторой публикой с большой ревностью, завистью, гордыней и недоверием, переходящие порой в умышленный обман, преследующий цель, чтобы эта теория была забыта.

Ф.А. Месмер

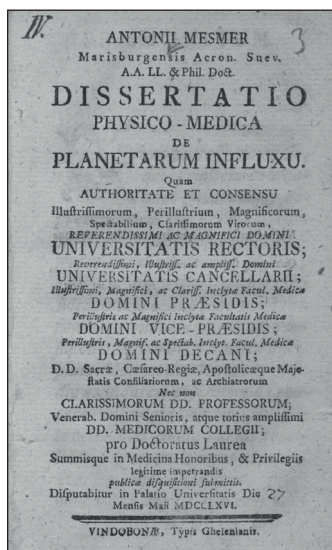
Я старался путём предоставления новых фактов снова и снова придать движению правильное направление, но всё напрасно - правда приносилась в жертву предубеждениям. Когда я прибыл в Париж, меня засыпали вопросами - В чём состоит Ваше открытие? Как Вы к нему пришли? Какие преимущества оно даёт? Почему Вы до сих пор не оповестили своих соплеменников об этом? Эти вопросы задавали люди, которые в состоянии, по всей видимости, разобраться что к чему.

Целью этого доклада является дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы, а также полностью осветить весь корпус учения, чтобы разбить все заблуждения, окружающие до сих пор это открытие. Этот доклад будет служить предвестником тех практических шагов, когда я наглядно покажу применение методов и правил, теория которых описывается здесь. Исходя из этих целей я прошу читателей вынести своё суждение об этой работе. Я знаю наперёд, что читатель столкнётся с некоторыми трудностями понимания особенностей этого открытия. Я также хочу заметить читателю, что силою умозаключений, даже за отсутствием практического опыта, возможно подняться на невероятную высоту, где туман непонимания будет рассеян, где правда будет сиять в своей полной яркости. Природа даёт человечеству универсальное сред-

1. Перевод выполнен редакцией альманаха с немецкой книги «Abhandlung uber die Entdeckung des thierischen Magnetismus» von Franz Anton Mesmer, Karlsruhe, 1781. Фотографии добавлены редакцией.

ство против всех болезней.

Человек по природе своей наблюдатель. После рождения он постепенно учится владеть своим телом. Наши глаза были бы бесполезными, если бы природа с самого рождения не содействовала тому, чтобы они замечали каждое движение, происходящее вокруг новорождённого. Свет и тень учат его воспринимать мир объёмным, но действительность не стала бы таковой, если бы к органам зрения не подключились другие органы чувств. Только в полном соединении всех восприятий и чувствований человек в состоянии выстроить более-менее правдивую картину окружающего мира. Но это построение есть результат его умозаключений, которые суммируются из тех впечатлений, которые он получил от своих органов чувств.

Обложка докторской работы Месмера «De Planetarum Influxu»

Первые годы своей жизни человек посвящает тому, чтобы научиться правильно и быстро обращаться со своими органами восприятия. Постоянное наблюдение за собой и окружающим миром позволяет человеку самообучаться, благодаря чему он способен совершенствоваться. Таким образом, мы зависим от наших органов восприятия. <...>

В 1776 году я опубликовал в Вене мои мысли о влиянии планет на человека в работе «О влиянии планет на человеческое тело»². Широко известно, что одна планета действует на орбиту другой планеты, а также, что луна является причиной приливов и отливов водных масс не только в море, но воздушных масс в атмосфере. Я утверждаю, что космические тела оказывают существенное влияние на живые организмы, преимущественно на их нервную систему, что достигается посредством

тонкого всепроникающего флюида. Это влияние космических тел выражается в изменении свойств материи и органических тел. К этим изменяемым свойствам относятся, например, вес, взаимодействие, скорость, чувствительность, электричество, которые могут увеличиваться или уменьшаться.

2. Речь идёт о докторской диссертации Ф.А.Месмера, которая была написана на латинском языке. Оригинальное название звучит следующим образом «De Planetarum Influxu» [О влиянии планет] - прим. ред.

Далее я утверждаю, что такие же изменения, которые происходят при приливах и отливах морских водных масс, имеют место в живом организме, где также происходят приливы и отливы. Эту способность живых организмов реагировать на влияния небесных тел я назвал животным магнетизмом. Этими влияниями обусловлены женские циклы, а также все другие периодические изменения, которые наблюдают врачи всего мира при развитии любой болезни. <...>

Согласно моим наблюдениям, нарушенная гармония человеческого организма может самовосстановиться благодаря некоему универсальному агенту, в существовании которого я полностью убеждён. Он один в состоянии привести организм в гармоничное равновесие. Не раз замечено, что одни и те же болезни излечиваются иногда с применениями лекарств и терапии, а иногда без оных. Это говорит о том, что в природе существует всеобщее действующий принцип, действию которого обязаны все спонтанные выздоровления, которые люди приписывают неопределённому естественному, природному выздоровлению. Эти размышления постепенно вытесняли меня с проторенной дорожки классической медицины. Я проверял мою теорию в течении двенадцатилетней врачебной практики, в ходе которой я наблюдал различные болезни. И теперь я с уверенностью говорю, что все мои теоретические догадки полностью подтвердились на практике.

В 1773 и 1774 гг. я лечил 29-летнюю девушку по фамилии Остерлин [Oesterlin], которая уже много лет страдала от подагры. Но самое страшное было то, что она страдала от сильных, многодневных приливов крови к голове, что вызывало сильные боли в зубах и ушах, сопровождавшиеся тошнотой, рвотой, потерей сознания. Этот случай предоставил мне хорошую возможность наблюдать в организме кровяные приливы и отливы, причиной которых являлся животный магнетизм. Больная часто испытывала кризы,³ за которыми следовало существенное облегчение, но эти кризы были не полными и кратковременными. Мною овладела страсть раскрыть истинную причину этой болезни. Мои постоянные наблюдения над переменчивым течением этой болезни давали мне материал к моим размышлениям, которые постепенно привели меня к следующим выводам - между всеми телами, находящимися на Земле, существует такое же взаимодействие, как и между небесными телами, вызывающими приливы и отливы в природе. Руководствуясь этим положением, я пришёл к заключению, что я способен вызвать ис-

3. По мнению тогдашней медицины каждая болезнь имеет своё начало, развитие, высшую точку, спад и конец. Кризы - это верхняя точка болезни, за которой идёт спад, т.е. выздоровление [прим. ред.]

кусственные приливы и отливы [в человеческом организме], подражая влиянию планет на живые тела.

Я имел некоторые знания о свойстве природных магнитов. Мне были известны опыты, проводимые во Франции, Германии и Англии по напитыванию человеческих организмов магнетическими соками минеральных магнитов, что применялось для лечения желудочных и зубных заболеваний. Схожесть этих опытов с моей системой подвинули меня к применению магнитов в лечении заболеваний. Когда больная находилась в стадии, свободной от приступов, я начал готовиться к проведению магнитной терапии во время следующего периода приступов. С этой целью я дружественно обратился к господину Патеру Хеллю [Pater Hell], профессору астрономии. Я попросил его изготовить несколько магнитов особой формы, которые нужны были мне для лечения. Он обещал изготовить заказанные магниты.

28 июля 1774 года к моей пациентке снова вернулись её периодические боли, которые обычно держались несколько дней. В это время я положил на неё три магнита - один на живот и два на ступни ног. Через короткое время она ярко чувствовала болевые ощущения в виде внутренних потоков некой тонкой материи, которая постепенно распространялась по всей нижней половине её тела. Но после 6 часов все боли прекратились, а также отсутствовали признаки приступов. На следующий день я повторил это лечение, и снова мне удалось добиться тех же результатов, что и в первый раз. Результаты этой терапии дали мне новые подтверждения моей теории, согласно которой существует некий универсальный принцип, который течёт через магниты. Дальнейшие наблюдения помогли мне сделать следующие шаги на пути к открытию теории подражания магнетическому влиянию небесных тел.

Несколько дней спустя после успешного проведения магнитной терапии я встретил господина Хелля Патера, и говорил с ним кроме всего прочего о существенном выздоровлении моей пациентки, а также о моих надеждах открыть средство против нервных болезней. Через некоторое короткое время мне стало известно, что господин Патер Хелль выступил с публичными заявлениями в печати, что он открыл новое лечебное средство против нервных заболеваний. По его ошибочному мнению лечебный секрет его нового средства заключался в специальной форме магнитов. Углубляясь в свои заблуждения, господин Патер Хелль изготовил магниты различной формы, произвольно приписав каждому из них способность излечивать ту или иную болезнь, и разослал эти образцы по разным академиям наук. Послушаем его самого: «Я открыл в магнитах различной формы совершенство, которое способно в своей

специальной силе излечивать болезни. Недостаток этого совершенства делает человека больным, что на практике доказано опытами, проведёнными во Франции и Англии». То есть господин Патер ошибочно приписал лечебное влияние магнитов их форме.

Хелль продолжал распространяться на эту тему тем сильнее, чем больше интереса он встречал у публики, которая желала иметь средства против нервных заболеваний. Не смотря на то, что я неоднократно выступал в печати с попытками развеять эту ошибочную теорию господина Хелля, он остался при своих заблуждениях, а вместе с ним и его публика.

Я продолжил мои исследования на других болезнях, чтобы сделать мои теоретические выводы универсальными и совершенными. По роду своей деятельности я хорошо знал господина барона фон Шторка [von Störk], президента медицинского факультета и Первого Врача Её Величества. Я рассказал ему все детали моего открытия, а особенно поведал ему о передаче животного магнетизма посредством магнитных потоков, и предложил ему лично на опыте убедиться в сказанном. А также пообещал предоставить ему в ближайшем времени точнейшее описание моего открытия. На моё предложение этот врач ответил, руководствуясь непонятно какими предубеждениями, что он не желает ничего знать о том, что я ему рассказал, и просит меня не упоминать его факультет в моём деле.

Предубеждения и незнание публики сути моего открытия заставили меня 5 января 1775 года опубликовать мои письма, которые я писал одному иностранному врачу.⁴ В этих письмах я описывал мою теорию, а также практические опыты из врачебной практики, которые полностью подтверждали мои выводы. Я описывал природу, действия и свойства животного магнетизма, которые имели много схожего с природными магнитами и электричеством. В этих письмах я писал: «Все тела в той или иной мере способны проводить магнетический флюид так, как это делает природный магнит. Этот флюид наполняет всю материю. Этот флюид может быть аккумулярован и усилен, также как и электричество. Этот флюид можно передавать на расстоянии. В природе есть два вида тел: одни усиливают этот флюид, а другие его ослабляют». Далее я коротко описывал практические случаи передачи этого флюида, на основании которых я сделал мои теоретические заключения.

4. Речь идёт о книге «Письма А.Месмера, доктора медицины, о магнитотерапии, адресованные одному иностранному врачу» (Schreiben über die Magnetkur von Herrn A.Mesmer, Doktor der Arznengelehrtheit an einen auswärtigen Arzt).

Адресатом этих писем был господин Ингенхаус [Ingenhaus], член Лондонской Королевской Академии⁵ и он же член Венской академии по борьбе с оспой, который практиковал лечение знатных дворянских особ при помощи электричества и магнетизма. Незадолго до опубликования этих писем я узнал, что их адресат сделал себе имя научного исследователя на отрицании и высмеивании той теории, которую я сообщил ему в своих письмах. Так господин Ингенхаус писал: «Только гений из страны архангелов способен сделать такое открытие, если вообще такое возможно». До публикации моих писем к этому адресату, господин Ингенхаус пришёл в мою лечебную практику с целью убедить меня не публиковать моих писем, т.к. по его мнению я ошибался в своей теории. Он пригрозил, что если я опубликую мои письма, то он будет их высмеивать.

Я возразил господину Ингенхаусу, сказав ему, что у него нет достаточных познаний в данном предмете, чтобы что-то мне советовать. И я тут же предложил ему доказать на практике правоту моей теории. Такой случай представился как раз через два дня. У моей пациентки Остерлин начались сильные приступы болей, вызванные женскими месячными циклами. Я позвал к себе в лечебную практику господина Ингенхауса. Он прибыл в сопровождении одного молодого врача. В это время пациентка лежала в бесчувственном состоянии. Я сказал коллегам, что как раз сейчас представился отличный случай продемонстрировать существование магнетического флюида и его свойство быть переданным.

Я отошёл от больной на некоторое расстояние, и попросил господина Ингенхауса подойти к больной и дотронуться до неё, что он и сделал. Никакой реакции лежащей без сознания больной не последовало. Затем я попросил его подойти ко мне, взял его за руки, передав тем самым господину Ингенхаусу магнетическую силу, и попросил его снова подойти к больной, и ещё раз дотронуться до неё. Сам же я остался стоять на том же месте в отдалении от больной. Когда господину Ингенхаусу дотронулся до больной, то она судорожно дёрнулась. В удивлении господин Ингенхаус снова и снова дотрагивался кончиком своего пальца до разных мест тела больной, и каждый раз происходило судорожное подёргивание тех мест тела, к которым он прикасался. Через некоторое время господин Ингенхаус сказал, что он убежден.

Но я предложил ему провести второй опыт. Мы удалились от больной на значительное расстояние, и видеть она нас не могла, тем более что она была без сознания. Я предложил господину Ингенхаусу выбрать

5. То есть Английской Академии Наук. [прим. переводчика]

одну фарфоровую чашку из шести одинаковых. Когда одна чашка была избрана, я касанием своей руки сообщил ей заряд магнетической силы, и попросил господина Ингенхауса взять по очереди каждую из шести чашек, подойти к пациентке и прикоснуться этой чашкой к её руке. Когда очередь дошла до чашки, которой я касался, то рука пациентки спазматически дёрнулась, в то время как с другими чашками отсутствовало какое-либо движение. Ингенхаус повторил два раза этот опыт с шестью чашками, и каждый раз результат был прежним.

Когда все чашки были поставлены в исходную позицию, я взял господина Ингенхауса за одну руку, и предложил ему дотронуться его другой рукой до одной из шести чашек, что было и сделано. Затем был повторен предыдущий опыт. Результаты были такими же.

Теперь господин Ингенхаус своими глазами убедился в передаваемости магнетического флюида. Я предложил третий опыт, показывающий влияние магнетического флюида на расстоянии и его приносящие свойства. С этой целью стоя на расстоянии восьми шагов, я протянул пальцы моей руки в сторону лежащей больной, после чего её тело начало трястись в судорожных движениях, которые были так сильны, что она чуть ли не падала с кровати. Я отошёл ещё дальше, поставил между мною и больной господина Ингенхауса, и повторил опыт - результаты были прежними. Эти эксперименты были повторены столько раз, сколько желал господин Ингенхаус, после чего я спросил его, удовлетворён ли он, убедился ли он в чудесных свойствах животного магнетизма, о которых я ему писал в письмах? На что Ингенхаус снова попросил меня повторить все показанные опыты, что я и сделал, после чего он сокрушенно объявил о том, что он совершенно и полностью убеждён, и в то же самое время он попросил меня именем нашей дружбы не раскрывать секреты животного магнетизма широкой публике, чтобы не произошло непонимания и умаления из-за неверия большинства простых людей. Мы расстались. Я продолжил лечение больной, что в тот же день увенчалось успехом - больная пришла в чувство и избавилась от болевых припадков.

Через два дня после этого случая я с удивлением узнаю, что господин Ингенхаус публично утверждает ровно противоположное тому, что он говорил мне в глаза. Он оболгал все опыты, свидетелем которых являлся, и продолжал утверждать свои старые заблуждения, что животный магнетизм усиливается и передаётся с помощью магнитов. Кроме того, этот господин откровенно клеветал на меня, говоря что он обнаружил у меня некое количество спрятанных магнитов, с помощью которых я производил опыты по животному магнетизму, и что он вскрыл

весь этот смешной обман, который я якобы делал. Признаться честно, я сначала не поверил этим слухам. Но когда я сам убедился, что господин Ингенхаус вместе с господином иезуитом Хеллем Патером распространяли в печати лживые пасквилы, касающиеся меня и моего открытия, то у меня не было более оснований думать о невинности Ингенхауса.

Я хотел подавать жалобу на клевету этих господ. Но когда моя пациентка Остерлин узнала о лживых заявлениях господ Ингенхауса и Хелля, то она была так расстроена и возмущена, что к ней снова вернулись её болевые припадки. Её болезнь полностью заняла меня на 15 дней. Как раз этот период борьбы с заболеванием моей пациентки дал мне неоценимый практический материал, который кристаллизовал мою теорию до несокрушимой твердости. Первым плодом совершенства моей теории было полное и окончательное выздоровление Остерлин, которая вернулась к нормальной жизни. Через некоторое время мне даже повезло увидеть её свадьбу, и затем её народившихся детей.

Вторым плодом этой 15-дневной борьбы с болезнью моей пациентки стало моё твердое решение обнародовать моё открытие, а также рассказать всё правду о господине Ингенхаусе. Кроме того, я решил просить господина фон Шторка, президента медицинского факультета университета Вены, созвать научную комиссию, которая бы тщательно проверила все факты, касающиеся моей теории. Это предложение было принято. Господин фон Шторк пообещал мне созвать комиссию, но сам в ней участвовать отказался. Я неоднократно ему предлагал осмотреть мою пациентку Остерлин, и лично убедиться в успехе моего лечения. Но каждый раз он отвечал уклончиво и нерешительно. Я старался обрисовать ему большие преимущества, которые могли бы последовать от введения моего метода в широкую госпитальную практику, и пообещал ему показать все эти преимущества на практике. Господин фон Шторк согласился и дал своему подчинённому, врачу Райнлайн [Reinlein], поручение заняться этим делом. Восемь дней этот врач находился в моей лечебной практике, лично наблюдал всю пользу и выгоду моего лечения, которое я применял к своим пациентам. В это время господин Райнлайн не раз высказывал мне своё восхищение моим методом, о чём он и сообщил своему начальнику, господину фон Шторку. Но немного позже я заметил, что настроение у господина фон Шторка кардинально переменялось. Я видел его почти каждый день, и постоянно напоминал ему о созыве комиссии, о которой мы ранее решили. Вместо прежнего согласия я видел в этом господине только равнодушие, холодность и отторжение всего, что касалось моего предложения. В последствии я узнал, что причиной этой перемены отношения был господин Ингенхаус,

который оклеветал меня в глазах моих университетских коллег. После того, как от меня отвернулся господин Райнлайн, я почувствовал своё полное бессилие что-либо изменить и противостоять местным обывательским правилам. Я решил молчать.

Между тем, фальшивая теория господина Ингенхауса находилась на вершине славы, а сам он проявлял бурную активность, что очень неплохо отражалось на повышении его материальных заработков. Дошло то того, что всех, кто не признавал теорию Ингенхауса публично обвиняли в слабоумии. Мне больше не было надобности, уверять массы народа в фальшивости этой теории, т.к. даже медицинский факультет [Венского университета] поддержал теорию Ингенхауса. Но наиболее меня поразило событие, произошедшее на следующий год, когда господин Клинокш [Klinkosch], профессор пражского университета, принял сторону моих врагов, и начал распространять⁶ лживые рассказы Ингенхауса, при том не зная ни меня лично, и вообще, не имея представления о сути вопроса.

Тогда я решил, пускай публика верит в то, во что она желает, а я буду защищать правду путём предоставления фактов. Я принялся за лечение различных заболеваний, таких как хемиплегии [односторонний паралич], причиной которой была апоплексия [нервный удар]; задержание женских циклов; кровохаркание; колики и спазматические судороги; прерывистый с детства сон, сопровождавшийся кровохарканием и болезнью глаз. Последней болезнью болел известный профессор математики Венского университета, господин Бауер [Bauer]. Мне удалось полностью излечить этого больного, о чём господин Бауер опубликовал свой рассказ. Но данный факт потонул в море предубеждений, в котором находилась почтенная публика. Тем временем мне посчастливилось познакомиться с министром, членом тайного совета одного большого иностранного государства. Мне было радостно посвятить этого политика во все тонкости и секреты моей теории, а также продемонстрировать соответствующие практические опыты, результатом которых была полная поддержка и одобрение моего открытия. Но к сожалению, политики не решают таких вопросов, где решающее слово принадлежит медикам. Поэтому мне была предложена всесторонняя помощь только в печатании моих трудов за границей.

6. См. «Письмо о животном магнетизме и электрофоре к графу фон Кински» (Brief über den thietischen Magnetismus und das Electrophor an den Herrn Grafen von Kinszky). Это письмо было опубликовано в 1776 году во втором томе пражского научного общества [прим. автора].

Таким образом, 5 января 1775 года вышла в свет моя выше упомянутая книга писем о магнитотерапии, которая попала в руки многих научных академий и различных учёных. Члены Берлинской академии отреагировали 24 марта того же года. Они причислили описываемый мною животный магнетизм свойствам обычного магнита, который я использовал в качестве проводника. В заключении они уверяли меня, что я сам себя обманул.

Впрочем, они не были единственными, кто путал животный магнетизм с минеральным магнетизмом. И это несмотря на то, что в этой книге я чётко указал о полезности использования природных магнитов, но что сами по себе они не являются источниками животного магнетизма. Различные естествоиспытатели или врачи, с которыми я обменивался письмами или просто общался, все утверждали, что я использую силу минеральных магнитов или электричества. Когда я развеял всех их заблуждения, то они вместо того, чтобы принять правду, начали клеветать на меня, что мол вся моя теория есть продукт воспалённого ума. Чтобы раз и навсегда покончить с ложными теориями о магнитах и электричестве, в 1776 году я решил вообще не применять в своей практике ни магнитов, ни электричества.

Плохой приём моего открытия в Вене, и отсутствие надежды на улучшение обстановки заставили меня прекратить всякие попытки публичных выступлений на эту тему. Я путешествовал по Швабии и Швейцарии, и пробовал убедить самого себя в необходимости распространения моего опыта. И действительно, мне доставило удовольствие демонстрировать моё открытие в госпиталях Швабии, Берна, Цюриха, когда я на глазах многих врачей демонстрировал возможности животного магнетизма, после чего ни у одного из них не оставалось ни единого сомнения о существовании оногo и его полезности для медицины. Также и заблуждения, которые обуревали моих Венских врагов, ни разу мне не встретились.

В 1774 и 1775 годах в Регенсбурге (Regensburg) один честный, но фанатичный монах⁷ совершал публичные сеансы излечения больных, страдающих заболеванием нервов, что для местной необразованной публики казалось сверхъестественным. Его слава распространилась до Вены, которая разделилась в этом вопросе на две группы: одна группа считала, что всё это обман, а другая, что это чудеса всемогущего Господа. Мне было ясно, что обе группы ошибались, а сам монах был лишь не-

7. Речь идёт о католическом священнике Иохане Джозефе Гаснере (Johann Joseph Gaßner, 1727-1778), который в 70-х годах практиковал экзорцизм [прим. ред.]

сознательным орудием природы. Его монашеское положение и игра счастливого случая развили в нём природные способности, с помощью которых он мог влиять на состояние нервных больных, не зная причину этого процесса. На публичных сеансах этот монах лишь останавливал нервные болезни, после чего оголтелая публика довершала все чудеса распространением баснословных слухов.

Когда в конце 1775 года я возвращался в Вену, я проезжал через Мюнхен. Его Величество Курфюрст Баварский⁸ вызвал меня и спросил, не могу ли я объяснить ему те чудеса, которые делает монах из Регенсбурга? Я тут же перед глазами Его Величества объяснил на практических опытах весь механизм этих «чудес», после чего ни у кого из присутствующих не осталось сомнений в отсутствии каких-либо чудес. Эффект этой беседы был так велик, что Его Величество тут же пожаловало мне звание члена Мюнхенской Академии Наук.

В 1776 году я второй раз совершил поездку по Баварии, где я провел много лечебных терапий, которые были также успешны, как и в первый раз. К примеру, один случай. Господин Остервальд [Osterwald], директор Мюнхенской Академии Наук, был парализован. Этот господин рассказал в печати о моей лечебной терапии, с помощью которой он полностью вылечился сам, а также о других похожих случаях, свидетелем которых он был.⁹ Когда я вернулся в Вену, я оставался до конца года в твердом убеждении, ничего не предпринимать против моих врагов. И так бы и продолжалось ещё долгое время, если бы мои друзья не объединились в усилиях убедить меня в необходимости победы правды над ложью. С этой целью я взял на лечение 18-летнюю девушку по имени Парадис [Paradis]. Эта девушка была с 4-летнего возраста полностью слепой, и по этой причине получала по милости Её Королевского Ве-

*Maria Theresia Paradis,
1784 г.*

8. Речь идёт о курфюрсте Баварском Йозефе Максимилиане III (Maximilian III Joseph, 1745-1777). [прим. переводчика]

9. Его свидетельские показания напечатаны в сборнике «Собрание показаний о магнетической терапии» [Eine Sammlung derer durch den Magnetismus verrichteten Curen], вышедшем в 1778 году в Лейпциге. Этот сборник составлялся кем-то, кого я не знаю. В нём были добросовестно и без всякой предубеждённости собраны разные материалы как за, так и против моей системы [прим. ред.]

личества¹⁰ пенсию. Моя новая пациентка не имела никакого контроля над своими глазными яблоками, которые периодически закатывались. Кроме того, она была меланхолично-слаба, страдала от плохой работы желудка и печени, результатом чего были периодические припадки диких болей.

Тогда же я взялся за лечение ещё одной слепой девушки по имени Цвельферин [Zwelferinn], которой было 19 лет от роду, и которую я взял из Венского городского сиротского приюта, выдавшего тут же справку о её слепоте. Она ослепла два года тому назад. Её глаза были покрыты плотным наростом, а глазные яблоки провалены. Она страдала также от кровохаркания.

Третьей пациенткой моей лечебной практики, наряду с двумя выше указанными больными, стала 18-летняя девушка по имени Осине [Ossine], которая также получала пенсию от Её Величества. Эта пациентка была меланхолична, страдала болезнью легких и частыми головокружениями, рвотой, кровохарканием и частой потерей сознания. Эти три больные содержались в моей лечебной практике, находящейся при моём доме, что позволяло мне постоянно держать моих пациентов под наблюдением, чему я был очень рад.

Родители Парадис были свидетелями её выздоровления. Когда они самолично убедились, что их дочь начинает понемногу видеть, они поспешили поделиться своей радостью со своими друзьями и знакомыми. Несмотря на все мои увещевания подождать полного выздоровления пациентки, они каждый раз проводили некоего вида испытания возвращающихся зрительных способностей больной, после чего с полным удивлением убегали из моего дома, чтобы рассказать об этом всему городу.

По настоянию отца пациентки, господина Парадис, ко мне прибыли два высших чиновника медицинского факультета Венского университета, чтобы обследовать больную. После тщательных проверок эти два господина в великом удивлении и бурном одобрении результатов моего лечения покинули мою лечебную практику, и присоединились к восторженному мнению публики. Одним из этих господ был ранее упоминавшийся барон фон Шторк, президент медицинского факультета и личный врач Её Величества. Этот господин много лет лично знал мою пациентку, девушку Парадис, которую на протяжении 10 лет этот врач безуспешно пробовал лечить. После того как господин фон Шторк убе-

10. Речь идёт о Королеве Австрийской Империи Марии Терезии (Maria Theresia, 1717-1780) [прим. ред.]

дился в начавшемся выздоровлении бывшей своей пациентки, он выразил мне своё восхищение и сказал, что он сожалеет, что так долго воздерживался от поддержки моей лечебной терапии.

[Доклад Месмера продолжается после приложения.]

Приложение

Далее следует обещанный рассказ господина Парадис, в котором он сам рассказывает об истории болезни своей дочери. Я даю здесь этот рассказ, который в марте 1777 года получил от самого господина Парадис. На этом месте заканчиваются слова Месмера.

Мария Тереза Парадис [Marie Therese Paradis], дочка личного секретаря Её Величества, господина Парадис, родилась 15 мая 1759 года в Вене с полностью здоровыми глазами. Девятого декабря 1762 года после утреннего пробуждения было обнаружено, что она ничего не видит. Это неожиданное горестное событие очень удивило её родителей, которые не замечали до того момента никаких признаков заболевания. Вполне возможно, что данное заболевание было вызвано ночным холодным влажным воздухом, который проник в детскую комнату из неплотно закрытой двери.

Родители перепробовали самые разные методы лечения. Ребёнка настолько залечили всякими пиявками и прочими лечебными средствами, что через два месяца после случившегося голова ребёнка была покрыта одним большим пластырем, прикрывавшего сплошные лечебные раны. Мы проводили годы в применении различных препаратов, которые входили или уходили из лечебной практики, к примеру, так было с корнями валерьяны и прострела лугового. Но ничего не помогало. Больная страдала от заболеваний глаз, отражавшихся на болях всей головы, что иногда приводило больную в полусумасшедшее состояние. Глазные яблоки подвергались диким судорожным движениям, в ходе которых зрачки то закатывались под лоб, то выходили в раскос. Во время таких моментов на больную невозможно было смотреть без ужаса. Год назад мы пробовали электрическую терапию, в ходе которых больная испытывала удары до 3000 зарядов, которые подчас повторялись до ста раз друг за другом. В конечном итоге это последнее средство нанесло больной больше вреда, чем пользы, т.к. она стала особо чувствительной и часто страдала от приступов тошноты, которые прекращались только после кровопускания.

[Известный врач], господин барон фон Венцель [von Wenzel], во время последнего своего пребывания в Вене осматривал мою дочь по

поручению Ее Величества. После осмотра он объявил, что моя дочь неизлечима. Несмотря на столь неутешительный диагноз, родители не оставляли надежды на выздоровление своей дочки, и всё это время усиленно занимались её воспитанием. Она проявила способности к занятию музыкой, а именно игрой на органе и пианино, благодаря чему была отмечена Её Величеством. Видя несчастье моей дочки, Её Величество пожаловало ей персональное содержание.

С некоторых пор за течением болезни моей дочери наблюдает доктор Месмер, который известен своим открытием животного магнетизма. Он подробно осведомился обо всех обстоятельствах, которые сопровождали болезнь моей дочки, а также о всех лечебных методах, которые мы испробовали за эти годы. При этом его глубоко возмутило, как это было видно со стороны, каким ужасным способом была применена электрическая терапия.

Несмотря на запущенную стадию болезни, в которой находилась больная, доктор Месмер решил попробовать вылечить нашу дочь - вернуть зрение, остановить судороги и избавиться от периодических головных болей. Сам же доктор Месмер не подавал никакого виду, что он также как и мы надеется на успех лечения. Доктор Месмер начал своё лечение 20 января этого [1777] года. Первая реакция больной выразилась в следующем: жар в голове, покраснение лица, затем следовало дрожание рук и ног, а также головы, которая стремилась запрокинуться назад. Всё это сопровождалось судорожным движением глазных яблок.

На второй день господин Месмер применил лечебный метод, который сильно поразил всех присутствующих. Он сидел рядом с больной напротив зеркала, по направлению которого он держал вытянутую руку, в которой была его докторская трубка. Когда в таком положении доктор направлял свою трубку на голову пациентки, и слегка водил вытянутой рукой в стороны, то голова больной в точности повторяла движения руки доктора.

В ходе лечения было отмечено, что глаза начинали дрожать то сильнее, то слабее. На 4 день лечения глазные яблоки приняли своё здоровое положение, перестали делать судорожные движения и успокоились. В этом положении было видно, что левое глазное яблоко было меньше, чем правое. Но в ходе последующего лечения их величина сравнялась. Через несколько дней прекратилось дрожание конечностей, но осталась головная боль, которая сконцентрировалась в задней части головы, где, как предполагала пациентка, соединяются глазные нервы. Два дня она думала, что её голова раскалывается на две части. По её описанию, боль распространялась вдоль глазных нервных каналов как уколы иголок.

Когда боль доходила до глазных яблок, то ей казалось, что она пробивается через сетевидную ткань, и затем распространяется по всему глазу. Это чувство иногда сопровождалось потрясениями.

На протяжении многих лет больная не чувствовала никаких запахов. После начала лечения, из носа, рта и ушей начала обильно течь некая зелёная слизь. В это время боли глаз усилились, больная начала жаловаться на головокружения. Господин Месмер приписал эти симптомы влиянию прорезающегося света, и для надежности взял больную к себе в домашнюю лечебницу. Её глаза стали настолько чувствительны, что она могла видеть в почти полной темноте. Жила она в комнате, которая была полностью затемнена. Любое, самое малое, попадание света на любую часть её тела приводило её в шок, вплоть до падения в обморок. Боль в глазах постепенно утихла, и приняла форму слабого щекотания, как будто по глазам водили мягкой кисточкой.

Все эти симптомы позволили доктору Месмеру сделать заключение, что пришло время ознакомить больную более подробно со светом и его изменениями. Он провёл свою пациентку в полутёмную комнату, развязал повязку на глазах, и сказал, что желает изучить состояние чувствительности глаз, для чего предложил ей для осмотра разные светлые и тёмные предметы. Светлые вещи, по рассказу больной, произвели в глазах чувство колющей боли, которая распространялась до мозга головы. Эта боль была то меньше, то больше - в зависимости от светлости показываемого предмета. После этого господин Месмер убрал все светлые предметы, и показывал больной только тёмные вещи.

В ходе лечения господин Месмер убедил больную, что её восприятие лежит чисто во внешних причинах, а именно, что восприятие зависит от разности между светом и тьмою, которые могут иметь множество промежуточных степеней. Именно в обучении этих степеней игры тени и света продолжилось лечение. Он показывал ей издали разные цвета, и наблюдал реакцию больной. Она могла различить цвета, но она не знала как они называются. Однажды посмотрев на чёрный предмет, она сказала, что снова ничего не видит, и стала очень грустной, вспомнив о своей прошлой слепоте.

В первые дни, когда началось обучение зрению, у больной было так, что вид некоего предмета, на который она мельком посмотрела, сохранялся пару минут на сетевидной ткани её глаза. Чтобы не перепутать один предмет с другим, ей приходилось периодически закрывать глаза до тех пор, пока внутренний вид предмета пропадал.

Она хорошо видела в темноте, где другие люди с трудом ориентировались. Но эта способность прошла по мере того как её глаза на-

учились выдерживать большее количество света. С самого начала она не могла употреблять глазные мускулы, чтобы отыскивать предметы, держать их поле зрения, мелькать глазами по сторонам, оценивать расстояние до предмета и т.д. Всему этому её пришлось учить, что сопровождалось большими трудностями из-за припадков меланхолии, которая была следствием её болезни.

Девятого февраля господин Месмер произвёл первый опыт по показу пациентке фигур и движений предметов и тел. Он сам встал перед больной, которая находилась в полутёмной комнате. Поначалу она испугалась человеческого строения. Затем она привыкла, но человеческий нос ей казался смешным, на который она много дней подряд не могла смотреть без бурного смеха. Она захотела посмотреть на собаку, которую она очень любила - строение животного её больше понравилось, чем человека. Так как она не знала названия предметов, то она рисовала в воздухе пальцем их точный контур, если она хотела сказать о какой-то вещи. Самое трудное для неё было сказать о том, что она чувствовала, когда смотрела на что-то. Она абсолютно не могла соединить в словах впечатление от увиденного и сам увиденный предмет. Она даже не имела представления о расстоянии. Все вещи были для неё на одинаковом расстоянии, и если она подходила к каким-то предметам, то они, по её мнению, увеличивались.

Постоянные тренировки и обучения по развитию способности оценивать увиденное приводили больную в такое отчаяние, что она в сердцах даже желала снова стать слепой, несмотря на то, что она показывала много сноровки и терпения. Но природное мужество и постоянная забота господина Месмера снова и снова придавали сил больной в её борьбе за собственное выздоровление. Постепенно она научилась выдерживать полный свет и правильно оценивать расстояние до предметов. Теперь ничего не ускользало от её взгляда - она могла даже видеть миниатюрные картинки, героям которых она часто подражала. У неё появилось особое дарование, правильно оценивать характер увиденного на картине человека. Когда она в первый раз увидела звездное небо, она замерла от удивления и восторга. После этого момента она всегда сравнивала самые красивые вещи со звездным небом, которое она очень любила наблюдать.

Большое количество любопытствующих стремилось удостовериться в выздоровлении больной, но господин Месмер сказал, что они могут утомить больную, и поэтому предпринял меры для её ограждения от людских масс. Эта вынужденная мера стала использоваться врагами Месмера, чтобы распространить слухи о сомнительности успеха его

лечения. Господин Месмер уверял меня, что лицо больной полностью восстановлено, и что с течением времени с помощью тренировки она в совершенстве овладеет способностью к зрению.

Продолжение доклада Месмера

Среди врачей, которые посещали меня, чтобы удовлетворить своё любопытство, был некий господин Барт [Barth], профессор анатомии, который занимался глазными болезнями. После осмотра девушки Парадис он два раза свидетельствовал мне о её зрячести. Но на публике этот господин осмелился распускать слухи, что якобы она ещё слепа, аргументируя это тем, что она не могла назвать вещи своими именами или путала их названия, не замечая, что тем самым этот господин сам же обнаруживал свою ложь. Многие не раз указывали ему на его ошибку, т.к. он не делает различия между слепорождёнными и теми, кто ослеп в малолетнем возрасте или в старчестве, и только последние знают как выглядят те или иные вещи, и знают их названия. Но он упорно настаивал на своей ошибочной позиции. Остаётся только удивляться, как этот врач делает такие грубые ошибки в своей же профессии. Несмотря на многочисленные примеры из жизни, которые ему приводили его коллеги, господин Барт настойчиво отрицал все доводы, и в конечном итоге объединился с выше упомянутым господином Ингенхаусом.

Эти два господина, которые умели произвести на публику благородное впечатление, продолжили свою вражескую работу против моей теории. Они начали предпринимать действия по прекращению моего лечения до тех пор, когда Парадис полностью выздоровеет, и когда я смогу представить моё пациентку Её Величеству, что я намеревался сделать. Кроме того, эти два господина распустили слух по всему городу, что вся история с выздоровлением девушки Парадис была фальшивой выдумкой. Они надели на отца моей пациентки, господина Парадис, и начали ему внушать, что с выздоровлением его дочери он лишится содержания Её Величества, а также многих других привилегий. Они говорили ему много разных несуразниц до тех пор, пока он не пожелал забрать свою дочь из моей лечебницы. Сама же пациентка и её мать не желали прерывать лечения до полного выздоровления. Из-за этих волнений у моей пациентки возобновились судороги лица, которые мне удалось через несколько дней унять.

Едва пациентка Парадис увидела своего отца снова, тот начал повторно уговаривать её саму и её мать покинуть мою лечебную практику. Но больная не желала прерывать лечение по выше указанным причи-

нам. Через некоторое время мать больной, которая поначалу просила меня извинить странности её мужа, заявила мне 29 апреля, что она решила забрать свою дочь из моей лечебницы. На что я ответил, что если её дочь прервёт курс лечения, то возможен рецидив заболевания, и в этом случае я не буду вновь браться за лечение. Разговор происходил в присутствии пациентки. Когда она услышала эти слова, то с ней приключился обморок. Господин граф Пелегрини [Pellegrini], который был пациентом моей лечебницы, наблюдал со стороны всю эту ситуацию. Когда он увидел падающую в обморок Парадис, то он поспешил ей на помощь и подхватил её на руки. Тут же подбежала её мать, вырвала свою дочь из его рук, закричала на неё, что она мол играет на чувствах присутствующих, и со злостью ударила свою дочь пару раз головой об стенку. В этот момент к моей несчастной пациентке вернулись судороги лица. Я поспешил ей на помощь, но её мать кинулась на меня с кулаками, и начала поносить меня на чём свет стоит. Я приказал вывести мать пациентки из моего дома, и поспешил к моей больной. В то время как я был занят реанимированием больной, я услышал крики и треск двери, которую кто-то пытался взломать. Это был господин Парадис, жена которого вызвала его из дома. Он прибыл в мой дом с обнажённой саблей, и пытался проникнуть в комнату лечебной практики, где я находился. Мой слуга ему препятствовал, и именно эту потасовку я услышал. После короткого времени ворвавшийся был обезоружен и выдворен из моего дома. Во время этой процедуры тысячи проклятий сыпались на мою голову из уст господина Парадиса. Его фрау, госпожа Парадис, лежала между тем сама в обмороке. После того как я проделал ей реанимационные процедуры, она пришла в себя и покинула мой дом. Её несчастная дочь чувствовала себя ужасно - её вырвало, она судорожно дрожала, и каждый шорох причинял ей невыносимое раздражение. Из-за удара головы, который ей нанесла её мать она снова ничего не видела. Последний факт дал мне основания опасаться за её умственное здоровье.

Таковы были результаты одного из посещений родителей больной. Поначалу я хотел урегулировать отношения с её родителями через суд, призвав в свидетели графа Пелегринни, а также ещё восемь человек, которые наблюдали всё случившееся, и были в состоянии изложить в суде правду. Но, полностью погрузившись в спасение больной, я забыл обо всех судебных делах. Несмотря на уговоры моих друзей наказать неблагодарных родителей, и подать на них в суд, я решил отказаться от всех судебных тяжб, а сам сконцентрировался на излечении больной, в надежде разбить своих врагов путём торжества неоспоримых фактов.

На следующий день я узнал, что господин Парадис всем рассказывает, что он устроил громкий скандал лишь с одной целью, чтобы избавить свою дочь от опаснейших лечебных процедур, которыми они якобы являются. Таким образом он старался оправдать в глазах общественности свои неблагоприятные поступки. Второго мая 1777 года я получил письмо от одного должностного лица медицинского факультета Венского университета, некоего господина Шёнбруна [Schönbrunn], в котором было буквально сказано, что я должен прекратить свой обман (по его выражению), и «вернуть девушку Парадис её родителям, если я был уверен, что для здоровья больной это не вызовет никакой опасности».

Кто бы мог подумать, что это письмо было написано по распоряжению президента медицинского факультета господина фон Шторка, который два раза выражал мне своё почтение в связи с личным освидетельствованием выздоровления больной? Как этот врач мог допустить такие выражения, после того как он самолично говорил мне о пользе моего лечебного метода для всей медицины? По моему разумению, должностное лицо такого масштаба должно всеми путями изыскивать прогрессивные методы лечения, и всеми средствами защищать их и отстаивать. Я просто уверен, что президент медицинского факультета, облачённый доверием двора Её Величества, обязан защищать интересы члена своего факультета, который не сделал ничего предосудительного и всегда оставался верным своим коллегам по университету. На данное оскорбительное письмо я ответил, что больная не может покинуть мою лечебную практику без риска для собственной жизни. Именно эта опасность смягчила позицию её отца, который начал вести себя более сдержанно. Он послал ко мне двух своих вежливых друзей, которые сообщили мне, что он намерен продолжать лечение своей дочери в моей практике. Я ответил, что лечение будет продолжаться только в том случае, если ни он, ни его жена не покажутся в моём доме.

Восстановление больной протекало трудно. Через девять дней после случившегося судороги и боли прошли, но она всё ещё не могла видеть. Через ещё пятнадцать дней усиленной терапии зрение всё же было восстановлено до того уровня, на котором оно находилось до потрясения. Я посвятил ещё 15 дней на уроки по обучению зрительных восприятий, которые с каждым днём становились всё совершеннее. По всей местной публике разошлось сведение о восстановлении зрения больной, о чём мне свидетельствовали многие люди, и при том письменно. Господин Парадис, который узнавал о ходе лечения своей дочери через своего посыльного, письменно засвидетельствовал мне свою бла-

годарность, а также благодарность моей жене, которая по-матерински ухаживала за больной. В том же письме господин Парадис просил меня простить его за произошедшее и высказывал желание повидать свою дочь, с которой он хотел поехать на лето за город, чтобы насладиться деревенским воздухом. Как он заверял меня, он будет посылать свою дочь ко мне в лечебную практику так часто, как я этого захочу. Он выражал глубокую надежду, что я не брошу его дочь и буду далее заботиться о её выздоровлении. Я с открытым сердцем поверил ему, и отослал ему 8 июня его дочь. На следующий же день я узнал, что вся семья Парадисов занята упорным распространением слухов, что моя пациентка по-прежнему слепа и страдает от судорог. Мне также стало известно, что сама девушка Парадис показывается перед публикой, симулируя слепую. <...>

После целого ряда обманов и сплетен всем стало ясно, с какой яркой ненавистью мои враги желают поражения моей теории. Также всем стала видна неблагодарность семьи, в лечение дочери которой я бескорыстно вложил столько трудов и времени.

Во второй половине 1777 года я продолжил лечение пациенток Оссине и Цвельферин. Последняя имела ещё более запущенную болезнь, чем Парадис. Я продолжил лечение ещё одной пациентки по имени Випиор [Wipior] девятилетнего возраста. Эта девочка имела нарост на одном глазу, что известно под названием стафилома. Из-за этого нароста девочка видела только одним глазом. Мне удалось после ряда терапий вылечить этот глаз, после чего эта девочка могла даже читать этим глазом. На одном месте глаза остался лишь небольшой кусочек роговицы, который я надеялся вылечить, если бы мне удалось продолжить лечение пациентки. Но полностью обессилевши после моей двенадцатилетней непрекращающейся лечебной практики, а также уставший от постоянного преследования моими врагами, которые уничтожали все мои начинания, я решил, что я исполнил свой долг перед моими согражданами, и заслужил немного отдыха. В глубоком убеждении, что справедливость когда-нибудь восторжествует, я решил пуститься в путешествия, чтобы как-то отвлечься от моих повседневных проблем. Чтобы во время моего отсутствия мои оставшиеся пациентки - Оссине и Цвельферин - не подверглись нападкам моих врагов, я оставил их в моём доме, дав указания мотивировать это тем, что они нуждаются в надсмотре после курса лечения. Восемь месяцев они провели у меня дома, после чего благополучно оставили мой дом.

В феврале 1778 года я прибыл в Париж,¹¹ где наслаждался спокойствием и удовольствием знакомства с новыми людьми. Все мои встречи с учёными, врачами и другими разными людьми этого столичного города оставляли очень положительное впечатление. В результате этих бесед стало известно о моей новой теории, в результате чего я не мог не удовлетворить любопытство моих собеседников, и не рассказать им о моей системе. Они заверяли меня в способности воспринять мою теорию и страстно желали подробных разъяснений. Я дал им по этому поводу 19 коротких параграфов.¹² Ни в одном из них они не смогли обнаружить ничего, что было бы уже знакомо науке. Я и сам ощущаю трудность в объяснении принципов, которым до сих пор не придумано терминов. Тем не менее, я хочу описать эту теорию во всей её истине и пользе, и продемонстрировать правоту моих слов путём излечения сложных заболеваний.

Меня просили излечить многих больных, состояние которых было ужасно. Я не мог отказать, и поэтому брался за каждый случай, ибо я не мог не следовать моей внутренней потребности приносить пользу людям. Я был счастлив излечить различного рода судороги и трясучки, всевозможные параличи и запоры, болезни желудка, селезёнки и печени, а в одном случае запущенный паралич, который делал из сорокалетнего больного полного старика. Последняя болезнь была следствием переохлаждения, которое больной испытал, будучи в Америке. В другом случае мне удалось излечить паралич ног, а также постоянные приступы рвоты, которые просто высушивали больного. Были излечены заболевание желез (*Cachexia ferrophulofa*), и многие виды заболеваний органов выделения.

11. Мои враги не оставляли меня и там. Они втянули в это дело медицинский факультет Венского университета, и в марте 1778 года опубликовали анонимную клеветническую статью в журнале «Encyclopedique» (стр. 506). Господам Хеллю, Хирсингеру и Лундцеру не хватило смелости поставить свои подписи под этим пасквилем. К счастью, в то время я не был ещё известен в Париже, поэтому эту статью не заметили. Впрочем, она того и стоит. Чтобы убедиться в злостной лжи этой клеветы, нужно видеть самому эту грязную статью. [прим. автора]

12. Впервые эти параграфы я дал в 1776 году господину Эллиоту [Elliot], английскому послу в Регенсбурге, который должен был их передать Лондонскому Королевскому [научному] Обществу. Этот господин сам потребовал от меня письменных объяснений моей теории, т.к. он часто был свидетелем моих лечебных терапий в Мюнхене и Регенсбурге. [прим. автора]

Все эти заболевания хорошо знакомы парижским врачам. Излечение этих болезней сопровождалось кризами, характер которых соответствовал тому или иному заболеванию, что давало мне неоценимый опыт в расширении моей теории. Все эти излечения проводились без малейшей дозы каких-либо лекарственных средств.

Не являются ли все эти факты достаточным доказательством правдивости моей теории? Именно эти факты, в ходе которых было излечено множество людей, дают мне надежду на победу правды над ложью. Именно эти факты заставляют меня публично изложить параграфы моей теории, которые в таком виде впервые излагаются перед большой аудиторией.

Параграфы

1) Небесные тела, Земля и животные тела имеют взаимное влияние друг на друга.

2) Это взаимовлияние происходит посредством универсального, вездесущего, сверхтонкого флюида, который имеет способность принимать вид любой энергии, распространяться её посредством, и передаваться другим телам.

3) Это взаимовлияние подчиняется механическим, но ещё неизвестным законам.

4) Это взаимовлияние является причиной явлений, которые похожи на прилив и отлив.

5) Этот прилив и отлив [сверхтонкого флюида] имеет всеобщий характер, и в большей или меньшей степени действует на каждый предмет, и в большей или меньшей степени проявляется, в зависимости от причин, порождающих этот прилив и отлив.

6) Таким способом все небесные тела, Земля и населяющие её части находятся в постоянном, активном взаимодействии (это всеобщий закон для всей природы).

7) От этого взаимодействия зависят свойства минеральной материи и органических тел.

8) Это взаимодействие проявляется на животных телах в виде проникновения [сверхтонкого] флюида в нервную субстанцию, и непосредственное его влияние на неё.

9) Человеческое тело имеет свойства магнита, такие как противоположность полюсов, которые связаны друг с другом; изменяемость силы поля - его ослабление или усиление; кроме того, наблюдается также магнетическое сродство (*inclinatio*).

10) Именно эта способность животных тел воспринимать магнетизм небесных тел и передавать его в окружающую атмосферу, что делает их подобным магнитам, побудила меня назвать мою теорию животным магнетизмом.

11) Силу энергии животного магнетизма можно изменять, можно передавать её другим телам, как живым, так неживым, но все тела обладают разными способностями по восприятию животного магнетизма.

12) Это влияние и эта сила могут быть усилены и передаваемы с помощью некоторых тел.

13) Практические наблюдения показывают, что эта магнетическая сила есть очень тонкая материя, которая пронизывает все тела, не теряя при этом своей интенсивности.

14) Эта магнетическая сила действует на расстоянии без помощи каких-либо посредников.

15) Эта магнетическая сила как свет, отражается, собирается и усиливается зеркалом.

16) Эта магнетическая сила распространяется и усиливается через звук.

17) Эта магнетическая сила может быть собрана, спрессована и передана из одного места в другое.

18) Не все тела имеют одинаковые свойства животного магнетизма. Некоторые, очень редкие тела, имеют такие противоположные свойства [общему фону], что только одно их присутствие разрушает проявление животного магнетизма в других телах.

19) Эта противоположная сила также проникает все тела, сообщается от одного тела к другому, распространяется, собирается, спрессовывается, передаётся из одного места в другое, отражается зеркалом, распространяется звуком, и есть не негативная, но действительно противоположная положительная энергия.

20) Минеральные магниты [своими разными полюсами] оказывают одинаковое влияния на металлы посредством как своей одной, так и другой противоположной сил, что нельзя сказать о животном магнетизме, в котором действие противоположных сил неодинаково. Это явление является коренным различием между обычным и животным магнетизмом.

21) Эта система взаимодействий проливает новый свет на природу огня, света, теорию притяжения, приливов и отливов, магнетизма и электричества.

22) Магниты и электричество, употребляемые для лечения тех или иных заболеваний, если и приводят к положительному эффекту, то

только благодаря животному магнетизму.

23) Практические правила, которые я дам позже, должны изучаться на практике излечения нервных заболеваний с помощью этого флюида, которые действует непосредственно или через посредника.

24) Эта теория даёт врачу неоценимую поддержку в применении лекарств, действие которых усиливается, что приводит к благотворным кризам, которыми возможно управлять и контролировать.

25) В описании моих методов я опишу теорию болезней и докажу общую пользу моей методики для медицины.

26) Врач, вооружённый этой теорией, будет в состоянии обнаружить причину, природу и прохождение любой болезни, включая сложносоставные заболевания. Он сможет контролировать развитие болезни, уменьшая или увеличивая её степень, не нанося больному никакого вреда. При этом возраст, пол, темперамент не играют никакой роли. Даже беременные и роженицы оценят преимущества этой теории.

27) Одним словом, эта теория даст врачу способность определять здоровье своего пациента, излечивать его от всех болезней, которым он подвергается, благодаря чему уровень медицины достигнет высочайшей точки совершенства.

Все эти параграфы выработаны в ходе моей двенадцатилетней непрестанной лечебной практики, и не один из этих параграфов не вызывает у меня сомнений, хотя я отдаю себе отчёт, что они могут показаться кому-то, кто впервые сталкивается с моей теорией, больше бредом, чем правдой. В виду этого я неустанно старался развеять все предубеждения и ошибочные суждения самых разных людей путём распространения основных понятий моей теории. Взгляд на огромное количество страдающих больных, излечение которых возможно указанным методом, придаёт мне силы и надежду на продвижение этой теории.

Только имеющие необходимые знания врачи, которым доверено охранение здоровья народа, и которые имеют цель на благосостояние человеческого рода, только они в состоянии судить моё открытие. Только они имеют право применять мои лечебные методы на практике. Честь принадлежать к этому благородному классу людей не позволяет мне сомневаться, что они примут указанные основные понятия этой лечебной методики, разовьют и распространят их на благо всего человечества. И этот труд, посвящённый преимущественно врачам, поможет им понять истинное значение животного магнетизма.